
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ — ГОД НЕПОНЯТНЫХ НАДЕЖД

*Безрукий выхватил кинжал
И за безногим побежал.
Слепой увидел это дело
И все глухому рассказал.*

(Вроде как фольклор...)

◆ *А были ли надежды? — Зададимся таким вопросом, почти по инерции употребив в заголовке стандартное словосочетание про надежды, которые якобы должны были сбыться. А был ли мальчик? Это еще более конкретный вопрос. И есть ли еще русская литература, понимаемая как общегосударственный, общенациональный процесс? Вопросов можно задавать сколь угодно много, но суть-то не одинакова. Попробуем ответить на них.*

Да, внешне-фасадно Год литературы означен и проявился в череде официальных мероприятий чиновничье-организованных, но столь тихозвучных, минорно-приглушенных, что на фоне бесконечных информационных круглосуточных атак СМИ о финансах Греции, европейской палестинизации на Донбасе, злосчастных малазийских «боингах», поломанных на физкультурных упражнениях конечностях фрау Меркель и какого-то заокеанского мистера, да еще о наплыве в Европу афро-азиатских беженцев — упоминания об этом Годе и вовсе исчезли, не успев начаться...

Итак, этот Год прошел как почти незаметное официальное мероприятие: центральные радио и телевидение, в том числе главная наша культуртрегерская программа «Культура» отделались общими словами, а в областных центрах — по накатанному, то есть писательским организациям предложили организовать выезд с выступлениями «на заводах и фабриках» (не в офисах же?..) местных маститых, которым, конечно, все это до фени... Да еще выделили малые деньги на издание сборника произведений местных служителей писательской музыки. Вот и все: решили — постановили — отчитались. Но ведь сейчас при полном небрежении власти к литературе, даже и «галочку» где-то «наверху» ставить некому! Не до того, мол, Федя, не до того — тут кризисы, санкции, пожары почище нероновских, рубль падает и девальвируется, нефть ничего не стоит, да еще злобные америкосы срочно с Персией замирились, чтобы их нефтью окончательно сбить баррельную цену до стоимости зельтерской воды...

Это понятно. Никому никакого осуждения, совсем добить Россию империалисты захотели. Скажут: и у нас капитализм, родной брат империализма, а свой своих не бьет! Увы и ах, у нас вовсе не капиталисты-империалисты, а воры в законе, разворовавшие подчистую бывшую сверхдержаву СССР. Но не будем политграмоте учить, агитировать, так сказать, за бывшую советскую власть. Вернемся к литературе и ее прошедшему по-тихому Году.

Надежд, конечно, у здравомыслящих людей на этот самый Год никаких не было (см. выше про Федю). Но в том-то все и дело, что люди пишущие, особенно счастливых советских поколений, неизбывные оптимисты и, извините, не умеющие здраво мыслить. Понятно почему: привыкли в свои годы писательской юности-молодости и начальной зрелости к всевозможным благам: дармовые квартиры с положенным кабинетом (это еще с начала 30-х годов деятелям науки и культуры полагались + 20 лишних квадратных метров...), множество издаваемых журналов, издательства почти в каждом крупном городе, главное гонорары, гонорары, гонорары... Сам, хоть чуть-чуть, но застал те времена, когда на гонорар за роман, изданный в провинциальном издательстве, можно было если не «волгу», то уж «жигуленок» точно купить. Да еще всякие Самоделкины-Переделкины, дома творчества в Подмосковье, Прибалтике, на Черноморском побережье и пр., и пр.

Конечно, все это при одном неперемennom условии, о котором вступившие на писательскую стезю в «чубайсо-гайдаровскую эпоху» и позднее, напроць забывают, а напомнишь — досадливо морщатся, а именно: наличие природного таланта, помноженного на трудолюбие и постоянное литературное образование. Вот, кстати, коснемся этого неперемennого условия подробнее: с чем в части его современные литераторы подошли к декларативному Году литературы.

◆ Когда Ваш покорный слуга на закате Советской власти вступил в Союз писателей и был причислен к Тульской писательской организации Союза, то численность ее была не так уж заметно меньше нынешнего состава правопреемника: ТПО Союза писателей России. Но качественно тот состав являлся иным, даже совершенно иным. Опять же не любят этого напоминания большинство членов Союза писателей России, обретшие таковой статус в 90-е, а особенно в 2000-е и 2010-е годы...

И хотя тульские жители, помнящие телетрансляции съездов на ш е й партии, до сих пор при случае вспоминают со смехом слова тогдашнего первого секретаря обкома, фактического строителя новой Тулы, добрейшего Ивана Харитоновича Юнака, сказанные им в своем партсъездовском докладе, что-де до революции в Туле был только один писатель — Лев Толстой, а теперь их в местной организации аж тридцать голов, тем не менее, эта тридцатка по своему «качеству» ничем не уступала литераторам «столиц и университетских центров». Об этом можно судить и по тогдашним публикациям в московских «толстых» литературных журналах, по всесоюзным премиям и так далее. Даже свой, но очень скандальный литдиссидент вырос в Туле: член редколлегии популярнейшей «Юности» Анатолий Кузнецов, ставший невозвращенцем из Лондона, куда выпросил карт-бланш на поездку за вдохновением: сочинять книгу об участии В. И. Ленина во II съезде РСДРП... Как говорится, и здесь наши не подкачали, дали фору кичливой столице!

...Мы для примера пишем о Тульской писательской организации СП СССР, но усреднено — это обо всех областных организациях страны, то есть и обо всех писателях Советского Союза.

Что дало им такое добротное «качество»? — Ответ, скорее всего, двоякий. Во-первых, там не было случайных людей, о которых еще Гоголь провидчески предупреждал словами Хлестакова, которому-де порой приходит в голову сочинить что-нибудь этакое... Навроде «Московского телеграфа», например. Прием в члены Союза писателей во всех областных «первичках» был наистрожайший, редко кто вступал не то что с первого, но и со второго захода... Недаром в общепинтеллигентских столичных кругах бытовала вполне серьезно и обосновано присказка: вступить в Союз писателей почти приравняется к обретению ученой степени доктора философских наук! При этом «почти» понималось как снижение докторской степени перед

членством в Союзе. — Ни много, ни мало... И это понималось не как проявление некоей писательской «дедовщины», но — усмотрением проявления таланта. Явное и скрытое графоманство не проходило! При этом более опытные, умудренные в писательском деле члены Союза четко, кто явно, с обоснованием, а кто и интуитивно понимали различную природу таланта поэта и писателя-прозаика. Если поэтом, укрупненно говоря, рождаются, то прозаиком — столь же обобщенно — становятся. Поэтому-то поэтическая жизнь — не физическая, конечно, но активно, продуктивно, художественно — коротка. Она как все вдохновенья: накатила, всех оглушив в восторге дарования, и ушла вдаль, оставив лишь воспоминания. Еще Пушкин писал в свои тридцать лет, что староват стал для стихов, к прозе потянуло... А наш многолетний современник Евтушенко? — Как он скандировал в зале Политехнического музея: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам крошечный после тридцати!» Ну-у, Евгений Александрович особая статья...

То есть талант поэта виден сразу, изначально, потому принимая в Союз своего будущего коллегу, члены писательской организации одобрительно говорили в том смысле, что-де поэтический талант в N. N. виден, а насчет литературной грамотности и просто грамотности время еще есть позаботиться...

А ведь это трудное дело — разглядеть в стихотворце поэта? Ведь кажется почти всем, что нет ничего проще, как научиться рифмовать. Поэтому именно в этом, чуднейшем художественном жанре так много подвизается откровенных графоманов и просто наивных людей. Но ведь в писательских организациях тогда существовали сплошь поэты, а не просто стихотворцы! Потому и пройти в Союз по поэзии было сравнимо разве что с библейским верблюдом и игольным ушком...

Другое дело — прозаик. Понятно, что и здесь наличие таланта изначально необходимо, но он развивается не валом вдохновения, но долгим, трудным, пологим путем восхождения на вершину, где бьет Кастальский ключ (это из «Игры в бисер» Германа Гессе). Здесь мы подходим ко второй половине двоякого ответа на поставленный вопрос: образованность писателя тех, не столь далеких от нас времен.

◆ Возьмем все ту же Тульскую писательскую организацию СП СССР, в определенном смысле «среднестатистическую» по стране. Кстати, таковой она и осталась в своей новой ипостаси принадлежности к Союзу писателей России. И Ваш покорный слуга принимался в члены Союза писателями-туляками, «имея на кармане» диплом Литинститута да еще изданные Приокским издательством две полноформатные книги, в том числе роман, и публикации повести и рассказов во всесоюзных — а других тогда не было — литературных журналах. Но и тульские писатели, принимавшие меня в Союз, за редким исключением в свое время окончили Литинститут или Высшие литературные курсы (ВЛК) при нем. Повторюсь: такой же состав имели все областные писательские организации!

О чем это говорило? — А о том, что советскую литературу, развивающую лучшие традиции классической русской словесности, творили писатели-профессионалы. Любители же «посочинять что-нибудь этакое на досуге» корреспондировали в заводские многотиражки, в «Пионерскую правду» и учрежденческие стенгазеты. Что ж, все справедливо: богу богово, а кесарю кесарево. Хочешь — при наличии изначальных способностей, таланта — стать профессиональным писателем? Так учись в Литинституте, ВЛК, на филологическом факультете местного пединститута — тоже польза будет. Скажете: Литинститут с его Домом Герцена в два этажа и с полуподвалом в два этажа, да еще одноэтажный домишко и такая же столовая — не безразмерные! Ну и это хорошо: зачем даже стране с 1/6 частью земной суши армии и дивизии профессиональных писателей? Это ведь товар штучный... И учеба — не обязаловка, а стремление к овладению высшей «техникой» писательского

мышления. Кстати, сама структура Литинститута* на протяжении его истории гибко менялась: если довоенное и послевоенное дневное отделение являлось основной кузницей советских писателей «с именами» — здесь они просто обучались грамоте, то, начиная с 60-х годов (по себе знаю, учившись в 70 — 80-е годы), все инвертируется: базовым становится заочное отделение и ВЛК, куда, в основном, приходили люди образованные, почти все с высшим образованием: инженеры, врачи, учителя и пр. Даже со степенью кандидата наук. Грамоте они знали. Поэтому акцент обучения сдвинули в сторону обретения мастерства, а низовым «подразделением» отделения стал семинар <такого-то имярека>. Это соответствовало целям и задачам обучения в Литинституте и реалиям советского, очень грамотного времени с отсчетом от конца 50-х годов... А дневное отделение — при всем нашем уважении к нему — наполнялось вчерашними школьниками, из которых готовили квалифицированных редакторов.

...Что из себя сейчас представляет Литинститут, отобранный от Союза писателей (теперь уже) России, и который периодически стремятся прикрыть как «малоэффективный»? — Честное слово, не знаю, хотя журнал «Приокские зори» и имеет постоянную рубрику «Тверской бульвар — 25». Все же добротнo, порой талантливо пишут публикуемые в ней студентки и выпускники Литинститута и его ВЛК. Хотя... как это можно сказать: не орлы!

Опять же возразят с негодованием: а как же великие русские классики XIX — начала XX веков, не оканчивавших литинститутов, которых и в помине не было? Как не менее великие писатели-самоучки, те же Чехов и Горький? Не надо горячиться. Раставим все по полочкам. Во-первых, «свой литинститут» уже был: Царскосельский лицей — от Пушкина до Иннокентия Анненского по времени, кстати, его директора. Во-вторых, за плечами наших классиков и просто даровитых писателей были классические гимназии и университеты, у словесников-разночинцев — духовные семинарии, а все это вам не фунт изюма! Это не нынешний ЕГЭ — школы и «универы по Инету»! Наконец, будьте вы Чеховым и Горьким, и пусть вас назовут «самоучкой, дилетантом». — Ваша реакция понятна... Даже без мордобития.

Как говорится, неча на зеркало пенять.

◆ Итак, после пространной преамбулы переходим к вопросу вопросов в означенной тематике «Колонки»: в каком качестве и количестве подошли нынешние российские писатели к Году литературы, с какими надеждами и почему им не суждено было сбыться... хотя на них никто всерьез и не надеялся. Крепитесь, словесники-сочинители, читая далее нелицеприятные строки. Подходите ко всему самокритично, ибо Платон мне друг, конечно, но истина дороже...

О количестве попервоначалу, ибо поражает, как число ныне именующих себя писателями, так и обилие всевозможных их союзов, в том числе именующих себя международными. Разница между ними и, так сказать, отечественными, россияновскими в общем-то сводится к валюте, в которой оплачиваются вступительные и годовые членские взносы: в евро или в рублях. И даже наличествует Союз профессиональных писателей — при любом, официальном и неофициальном, отсутствии в стране в табели о рангах профессии «писатель». Но и безо всякой табели о рангах все 100 %-но этого Союза сами оплачивают издание своих книг, любых других публикаций, а пенсии им начисляют по итогам основной трудовой деятельности, но ни как не в зачет ранее полученных гонораров, как то было в советское время. Много

---

* Они учились в Литинституте. Материалы к библиографическому справочнику студентов дневного и заочного отделений и слушателей Высших курсов Литературного института им А. М. Горького. 1933 — 2006 / Редактор-составитель Б. Л. Тихоненко. — М.: Лит. ин-т им А. М. Горького, 2006. — 549 с.

союзов, но мало Союзов! Да еще они, попарно разделившись на денежном безрыбье, страстно воюют друг с другом! В том числе за жалкие остатки бывшей советской недвижимости; см. выше.

Встает вопрос о соотношении собственно писателей и условно, то есть не материально, окормляющих их союзов. Пусть самостийный Порошенко не вздрагивает при упоминании их слов, полнейшая децентрализация и автономность региональных отделений этих союзов. Здесь и пояснять-то нечего. Как «центр» такого союза в Москве барахтается в полном безденежье и еще в более полном непризнании его властями и СМИ, так областные писательские организации сведены к масштабу любительского литобъединения, что раньше существовали при домах культуры, учебных заведениях и крупных предприятиях. Всероссийский Литфонд (или уже — литфонды?) наличествует сузубо номинально, то есть безо всяких материальных и иных средств поддержки, так из чего поддерживать областные организации?

А оставленные без материального, морального, идейного и пр., даже без поощрения символическими, то есть без денежного содержания, «всероссийскими премиями», областные отделения союзов уже третье десятилетие уныло бредут кто в лес, кто по дрова... Словом, картина ясная, даже Одесса не красная, если не иметь в виду сожжение там заживо противников киевской хунты и веселые нововведения Мишико с Машико — это о правнучке пролетарского детского писателя. Впрочем, это все к слову, поскольку Одесса — родина славной плеяды советских литераторов — в чужеземном гетманстве. Вернемся к родным пенатам.

Сама история с первоначальным раздроблением некогда единого Союза писателей СССР на его правопреемника — Союз писателей России, МСПС (Международное сообщество писательских союзов) и евтушенковско-апрелевский Союз российских писателей, а далее как горох из мешка посыпались все новые и новые союзы, — есть наглядная иллюстрация действительности изначально поставленной «перестройщиками», вернее, тех сил Мирового зла, все чаще именуемого «Тайным мировым правительством» (далее ТМП без заковычивания), задачи: в числе прочего — от разрушения экономики до дебилизации, зомбирования масс и отдельных людей — разрушение русской, советской литературы, как значимого явления общей культуры страны. А методы разрушения уже веками отработаны мировым империализмом: принцип «разделяй и властвуй», правило «все решают деньги», закон превышения предложения над спросом и так далее.

◆ Итак, о союзах все ясно. Теперь, в каком качестве подошли современные русские писатели к Году литературы. Предварительно еще раз подчеркнем: исчезло из обихода, тем более из пресловутой «табели о рангах», само понятие писателя, как принадлежности к профессии. Да и не только профессии, но и как семантическое определение человека, личности, отличающейся от массы особым складом ума (правого полушария головного мозга, как бы уточнили биологи), целеустремленности и целеполагания в своем деле и так далее вплоть до *modus vivendi* — по-русски «образ жизни» здесь не подходит, слишком концентрированно и суженно.

То есть бывший советский, а еще раньше русский читатель самой читающей страны в мире (это было именно так, а не иначе!) в одночасье превратился в обывателя — любимое слово наших СМИ, — полагающего: да, дескать, некогда были писатели от Пушкина до Шолохова, а сейчас нет ни пушкиных, ни шолоховых... Да, что-то они порой слышат по телеку, когда по ошибке нажмут на пульте канал «Культура», или слушая утром за завтраком сохранившийся с советских времен кухонный репродуктор, что-де и сейчас наблюдаются писатели, но кто они? И резонируют про себя, дабы выбросить из памяти ненужное вовсе им по жизни: навер-

ное, это те ловкие мужики из доцентом местного педуниверситета, или из военных отставников, что по заказу областной или городской администрации, сплошь состоящих из «членов нашей партии», к очередным выборам и табельным круглым датам мастерице что-то вроде местных энциклопедий, затем издаваемых в роскошных переплетах на тяжеленной и остро пахнущей химией фотобумаге томах, что разносят по хранилищам библиотек или раздают особо отличившимся агитаторам на предвыборных сабантуях... Тома эти почти никого не интересуют. А сочинители их, получив от администрации гонорар, строем идут в местное отделение писательского (их) союза (ов) вступать в члены. Получив же за умеренные вступительные и годовые членский билет, уже уверенно именуют себя писателями.

Вот и все ниточки, связывающие некогда святое дело литературного творчества с нынешними массами. Увы, но это именно так.

Но — это взгляд на писателей-литераторов-сочинителей со стороны бывших (советских) читателей. А вот в каком качестве и, главное, количестве подошли сами сочинители-словесники, исключая ловких «губернских энциклопедистов» и столичных «голубосальных» пиарщиков и пиарщиков-публицистов, роющихся в родословном белье русских и советских классиков, к Году литературы? А в таком количестве и качестве, в котором они, сочинители, сами подписали себе приговор ничтожества в глазах даже тех немногих любителей словесности, что сохранились от эпохи самой читающей страны мира.— И, что хотя бы слабую надежду-поддержку дает, тех еще меньших числом, робко открывающих (обычно, на экране монитора) книгу представителей постсоветских поколений молодежи лет до тридцати... Прогноз и действительность про «комсомольский» возраст, увы, самый неблагоприятный.

Разобщенность современных литераторов, их полная автономия от убогости многочисленных союзов, которые и сами трансформировались в своей совокупности в некое подобие «польских сеймов» времен Казимиров и Сигизмундов, полное отсутствие литературной (не путать с политической!) идеологии современного писательского процесса, полная доступность издания — в малотиражной бумажной форме и неограниченной по распространению в сети Интернет, превратно понимаемая внушениями СМИ свобода, ничего общего не имеющая с классическим определением Гегеля: свобода есть осознанная необходимость... словом все это в совокупности и в кратчайший, по меркам истории, срок свершило страшный и губительный переход от традиционно понимаемой литературы к пародии на нее. И весьма слабое утешение, что на Западе — Востоке (Гете «Западно-восточный диван») это давно уже свершилось...

Поймите, уважаемый читатель и современный трудяга-писатель без предвзятости и, так сказать, «дедуктивной обиды» (от общего к частному...), что нам, как и вам, горько писать о современной русской литературе, загнанной в полное ничтожество, но куда, а главное — зачем, уйти? Не уподобляться же страусу с его осторожностью от врага головы...

Самое главное, что в самой многочисленности современных сочинителей особенно плохого ничего нет. Обычно приводят в пример норвежскую литературу* конца XIX — начала XX веков, когда в одной из самых бедных (нефть на шельфе тогда не добывали) стран Европы на триста жителей приходился «свой» писатель. Конечно, большинство из них в своей известности не покинули границ северного королевства, максимум, их читали в Дании, ибо тогда у нее с Норвегией был общий литературный язык: датско-норвежский. Но какую огромную пользу это принесло в общую нор-

---

* См. редакционную колонку «Песня Сольвейг и бригантинское сказание: Кнут Гамсун и феномен норвежской литературы рубежа XIX и XX веков» в «Приокских зорях» № 3, 2014.

вежскую культуру! И ведь из среды этих «трехсотников» вышли нобелевский лауреат (1920 год) Кнут Гамсун, европейски известные классики Бьернстjerne Бьернсон, Генрик Ибсен, Неруп, критик Георг Ибсен... А тогдашние петербургские символисты горячо обсуждали «Сны и явь леди Градивы». И по сей час не только литературоведам знакомы имена К. Колет, А. Кьелланда, Ю. Ли, А. Скрама, С. Унсет и других.

Но вот что настораживает в таком сравнении: «взрыв» норвежской литературы рубежа веков был, во-первых, очень кратким по историческому масштабу времени; во-вторых, это именно феномен, определяемый как литературная пассионарность (по Льву Гумилеву) и подготовленный историческим же стечением обстоятельств в жизни этой северной страны того времени. В определенной аналогии и масштабе сразу же на память приходит пассионарный взрыв в VIII — X веках активности норманов — тех же скандинавских норвежцев, датчан и исландцев. Это социобиологический — для людей — закон, вписывающийся в общеприродные закономерности. Чтобы «далеко не уходить» от Норвегии к таким закономерностям отнесем периодические взрывы численности полярных мышей (леммингов или пеструшек, как их называли жители нашего Кольского полуострова), и северной же рыбки мойвы... Истинно, при всем своем интеллекте человек в биологическом плане не так уж далеко ушел от своих эволюционных предшественников...

Опять мы отвлеклись, хотя и с пользой для дела. А дело означенной настороженности в сравнении феномена норвежской литературы сотню лет тому назад и нынешнего роста числа отечественных людей пишущих заключается в том, что... у нас-то вовсе не пассионарность (какая же пассионарность в разворванной, распроданной, разоруженной в эпоху «торжества первоначальной демократии» стране?) взрыв наблюдается, а торжество одного из исторических пороков русского человека, а именно: расхристанность, понимаемая как устремление к самодовольству и умственно-душевной расхлябанности без обретения, дающего себя только постоянным трудолюбием и напряжением всех сил ума и души базиса. В нашем случае — без овладения всеми сокровищами и правилами построения великой русской и советской литературы, словом, галопом по Европам...

Да-да, дорогие наши читатели и вольнолюбивые сочинители, есть такой в отечестве нашем исторический порок. Как говорится, наряду с мздоимным чиновничеством и плохими дорогами. Хотя... последнее, может, и на благо: гудериановские танки на них застревали, пусть и натовцы в уме держат... Не мы открыли этот порок, но — читайте всего Достоевского и «Житие Федора Васильевича Ушакова» Радищева; несомненно, Гоголя и Салтыкова-Щедрина, Писемского «Взбаламученное море», а более всего несравненного Николая Семеновича Лескова, особенно мало популяризовавшиеся в советское (да и сейчас) время романы «На ножжах» и «Некуда».

...И Александр Сергеевич, говоря о страшном и беспощадном русском бунте, имел в виду эту самую расхристанность. А сейчас у нас полнейшая пугачевщина (это не об Алле Борисовне, там своя свадьба...) в том, что четверть века назад устойчиво и определенно называлось литературным процессом.

◆ Итак, что имеем, то и имеем. Малоудобное определение «расхристанность» можно заменить на «всеядное сочинительство». Наивно полагать, что это новое явление в русской литературе. Первая плеяда отечественных литераторов, что появились «в широком обиходе» во второй половине XVIII века и проявляли себя вплоть до появления уже возмужавших перьев Хераскова, Фонвизина и Державина, училась литературному уму-разуму доморощенно, скоренько (галопом по Европам), перепрыгивая античных и современных им европейских писателей. Дальше пришел Пушкин, а с ним, или благодаря ему, явилась и великая русская литература XIX века.

Но закончилась ли эпоха мелкопоместной всеядности? Отнюдь нет. ... Когда,

окончив школу в военно-морском Полярном, в войну бывшем «столицей» Северного флота, а ныне Города Воинской славы, переехал с семьей в Тулу, то меня, как записного книгочея, поразила своим раритетным богатством тамошняя «Буккнига». Неудивительно, именно в эти годы усилиями первого секретаря обкома (и днепронетровского друга молодости Леонида Ильича) Ивана Харитоновича Юнака Тула скоро и полномасштабно меняла свой облик: из сплошь одно-двухэтажной деревянной на глазах («ровно на этаж подрастает город наш») превращалась в пяти-девятиэтажную. В войну «растеряевы улицы» города не бомбили, поэтому в старинных, бывших дворянских, купеческих домах и не уступающим им порой по вместительности, отделке и обстановке жилищах «забуревших» оружейников-мастеровых и просто мещан и чиновников, наряду с дореволюционной мебелью сохранились отдельные староизданные книги, а то и целые библиотечки и библиотеки о сотнях томов.

Старую Тулу нещадно ломали, особенно в бывших «казюцких» оружейных слободах в Чулково и Заречье, выстраивая кварталы многоэтажных домов. На радость новоселам отечественный древпром освоил массовое производство бесхитростной полированной мебели, а полиграфпром невиданными доселе тиражами выпускал полные собрания сочинений отечественной и зарубежной классики. То есть, переселяясь из родовых деревянных домов в кирпичные и панельные дома, дедовскую стопудовую мебель бросали, а неэстетично выглядевшие перед «подписками» в золоченных переплетах старые книги за бесценок сносили в «Буккнигу».

...Это я все к тому, что, регулярно роясь в староизданных, из тех, что в советское время не печатались, книгах на стеллажах бумага, постоянно наткнулся на толстые тома беллетристики совершенно неизвестных ни мне, ни словарям и энциклопедиям авторов. Чтобы составить представление, некоторые приобретал. Как вскоре понял, эти бесхитростные романы с упором на семейные хроники сочиняли и издавали явно за свой счет в губернских типографиях авторы двух родов: провинциальные дворяне, живущие в своих имениях, и бывшие семинаристы, может, даже и священнослужители. Первые ставили псевдонимами фамилии, смахивающие на поместно-княжеские, а вторые — Добронравов, Благомыслов и пр. И в каждой интеллигентной семье дореволюционной России раз в два-три поколения обязательно находился бытописатель своего рода. Так сказать, для домашнего чтения.

Традиция эта настолько устоялась к середине XIX века, что почти все будущие наши классики... тоже начинали свой путь в большую литературу с семейно-бытовой тематики. Это собственно «Семейная хроника» С. Т. Аксакова и ее продолжение о Багрове-внуке, конечно, Лев Толстой и далее до Горького, далее целая плеяда советских писателей, тот же Чаплыгин. А что успел написать Николай Островский?— О своей революционной юности.

◆ К чему мы это вспомнили? — А к тому, что издавна в русской словесности наличествовали два течения, если так можно определиться этим словом: профессиональная литература и любительское сочинительство. И профессионалами, классиками становились, несмотря на отсутствие господдержки и горьковского Союза писателей СССР, писатели, отмеченные как сенью таланта, но и во многом положившие всю свою жизнь упорной литературной учебе (не в Литинституте, которого тогда тоже не было) и претворению ее уроков в своем творчестве, как трудовой подвиг.

И при этом в сложившемся «разделении труда» царила полная гармония между профессионалами и многочисленными любителями словесности. А разделяла их литературная периодика (журналы), крепкий и устоявшийся институт литературной же критики и, опять же повторимся на определениях, собственно литературный процесс, в поддержании которого решающее слово было за читателями, людьми образованными, к тому же чутко улавливающими художественное слово в сочетании с тенденциями в общественной жизни народа и государства.

А теперь главное: в современной российской действительности, полностью совпадающей с европейской, мировой (об этом ниже), все полностью инвертировалось: признанный общественностью, то есть масс-медиа, литературный профессионализм исчез, а на сцену подобия гримасы литпроцесса вышло почти 100 %-ое любительство. Поймите, уважаемый читатель, нас правильно: любительство во всех отраслях, дополнительно к основному профзанятию, всегда приветствовалось — это филателия и нумизматика, выпиливание шестью сотками, непрофессиональный спорт и физкультура, собирание и (обязательное!) чтение книг, увлечение историей и пр. и пр. Никто не осуждает и любительское сочинительство, но всегда отделяет его от профессионального писательства. Понятно почему: подмена любительством профессионализма сводит на нет всю многотысячелетнюю — в мировом ареале — литературную традицию с ее высочайшим в духовной жизни человека статусом. Если позволено такое сравнение, то это равнозначно в промышленности переходу — возврату от современного производства к кустарям-одиночкам, в лучшем случае к мануфактуре, столь поэтично описанной в первом томе «Капитала»...

Но когда (столь похвальное) любительское писательство все более и более захватывает журнальное и книгоиздательское пространство, пусть даже с мизерными тиражами, у читающей публики также инвертируется представление о современной литературе. Проще говоря, читатель со стажем от советских времен приходит к однозначному выводу: профессиональной литературы больше нет, а читать то, что им представляют современная периодика и книгоиздательство, по большей части, невозможно без утраты литературного изыска и вкуса...

Понятно, что все сказанное выше (и ниже тоже) следует понимать в контексте слова «профессионал» только как мастер своего дела, то есть литературы, но ни в коем случае не как человек, писатель, живущий (материально) своей писательской профессией. Это уже четверть века есть нонсенс! Кроме «малых числом, но больших разумением столичных пиарщиков»...

◆ *Опять же и кстати: кто и что сейчас читает? Ироническая, но полная очевидного смысла инвектива из отечественной классики: «Писатель пописывает, читатель почитывает». Так кто и что сейчас читает, повторимся в вопросе. Честно говоря, художественную литературу современной фабрикации никто не читает, исключая друзей, да и то далеко не всех, авторов свежеезданных книг. Сюда можно добавить тех очень и очень немногих, кому знакомиться с современным сочинительством следует по «служебной» необходимости: редактора литературных журналов... хотел еще кого-нибудь присовокупить, но ничего в памяти не всплывает. Скажу — и вы, уважаемый, скорее потенциальный, читатель соврать не дадите — больше: потеряна сама культура общения с книгой, более того — наличествует страх, доходящий до полного отращения, перед книгой. То есть, человек образованный, не чуждый подсознательной тяги к высокому чувствованию, впадает именно в панический ступор, если раскрывает книгу. Его охватывает самый настоящий ужас, лоб покрывается холодной испариной в предчувствии муки мученической: читать 500-страничный том! А ведь надо не только напрягать глаза, «выжженные» целым трудоднем всматривания в монитор «компа», но и — о, ужас! — думать, размышлять, держа в памяти сюжетно-фабульную прерогативу произведения...*

А отчего все это? — От того, что за считанные пару десятилетий современный человек от функциональности мышления и восприятия перешел к тестовому, «кроссвордовому» суррогату этих качеств*. Как целенаправленно внедряется этот

---

* Все это подробно отражено в материалах международной и всероссийской дискуссии («ПЗ», № 2, 2011 и № 4, 2013) «Бумажная и компьютерная литература в свете психолингвистики (аналоговое и цифровое мышление)», проведенной журналом «Приокские зори».

суррогат, все мы прекрасно видим по системе школьного, а особенно — вузовского образования*. На смену чтению, что называется, от корки до корки, пришло пресловутое полиствывание, точь-в-точь как в рекламе: «Чем же заняться? Дэну позвонить или журналчик полистать?»

Все это печально донельзя. А что читают? Советские поколения — лишь они пока не утратили интереса к книгам, но тоже далеко не все, как любительскую, так и немногую сейчас профессиональную, стараются читать, но ностальгически выбирают авторов и тематику, созвучных им по мировосприятию, которое можно охарактеризовать как: живем в своей, но вроде и не в своей стране, оставаясь сугубо законопослушными.

Весьма преувеличены утверждения СМИ, в том числе и литературных, о популярности столь обширно издаваемой, правда, архималыми тиражами, сейчас (современной, не переизданной) исторической, публицистической и фантастической литературы. Определенный пик интереса к ней ушел вместе с 90-ми годами... Даже современная молодежь если что и читает, то только пресловутое «фэнтези» — сон горячечного больного.

И правильно, заметим мы, делают, ибо современные исторические писатели суть сочинители на вольные темы — попробуй, проверь? — Никто не займется работой в архивах. Да еще и «социальный заказ»... Публицистика как политическая, таки литературная — унылая, торопливо писанная неловкими перьями. Вечно востребованный жанр детектива навечно ушел со страниц книг на вечерний телеэкран сего бесконечными милицейско (теперь — *polizei*)-бандитскими. Неутешительная картина: писатель все пописывает, да и в численности своего клана все увеличивается, а читатель уже и не почитывает, в лучшем случае, все же отложив бессмысленный телефонный разговор с Дэном или с Верунчиком, полиствывает. Были времена для литературы похуже, но безысходнее не было.

◆ Чем же объяснить подобную дискультуризацию авторов и читателей, ибо все это не случайно, поскольку относится не к одной нашей стране, но всему миру? Тем более что уже нет сомнения в существовании — действительности ТМП, а раскультурирование, не называя все своими именами, зримо обретает черты директивно-го управления. Объяснение здесь одно: человечество вступило в последней четверти прошлого века в период неосферизации, о чем провидчески говорил (и обосновал!) без малого столетие тому назад великий русский и советский ученый академик Владимир Иванович Вернадский (1863—1945): биосфера Земли активно переходит в свое новое биогеохимическое состояние — ноосферу, то есть сферу разума.

...Здесь мы сели на своего конька, поскольку автор настоящей «Колонки» является «по совместительству» известным современным ученым биофизиком и продолжателем учения В. И. Вернадского. Наша теория ноосферологии изложена (в продолжающейся) 14-томной серии** «Живая материя и феноменология ноосферы». Общие выводы по рассматриваемой здесь тематике: сейчас переход биосферы в ноосферу вступил в наиболее мрачный, но исторически неизбежный период глобализации, одна из удач которого суть раскультурирование человечества. Не верите нам — смотрите книги А. А. Зиновьева, М. Калашикова и других видных современных публицистов, читайте газету «Завтра», а в Интернете легко найдете соответствующие сайты.

---

* Своё отношение к «болонизации» отечественного высшего образования мы художественно отобразили в книгах: Алексей Яшин. Сны и явь полковника Хмурова: Педагогическая поэма в 3-х частях. — М.: «Московский Парнас», 2011. — 551 с., ил.; Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новелино. — М.: «Московский Парнас», 2014. — 327 с.

** Для заинтересовавшихся, коль скоро такие найдутся: книги этой серии издаются крупнейшим на сегодняшний день научным издательством «ИД УРСС» (Москва); см. сайт <http://URSS.ru>, а также прилавки научных отделов крупных книжных магазинов столиц и областных центров.

Коль скоро же глобализация, как следует из самого термина, процесс общемировой, то от нее не отгородиться ни пограничными стенами, ни взаимными санкциями... вообще ничем.

Уважаемый читатель и горячо любимый нашим журналом автор, попавший в силки глобализации! Безутешный профессионал литературы, приведенный к нулю читательской аудитории и признания, очень уважаемый нами писатель-любитель, растерявшийся в ситуации наших нелегких для словесников дней! Анализом этой ситуации, лишь вкратце затронутым выше, мы могли бы заполнить весь объем настоящего номера журнала. Как обойти такие злободневные вопросы современного разлитературивания, как систематизацию современных литературных журналов, свобода печати и самоцензура (а может, официально не декларированная, обычно, местечковая, цензура?), болезненный вопрос о полнейшей профанации литературных наград и премий, не менее полный провал нынешней литературной критики... Много, много аспектов в развитии темы настоящей «Колонки». Но будет ли кто все это читать? Действительно, лучше самому поразмыслить, сопоставить и прийти к однозначному выводу (см. все написанное выше).

...Да и нам есть чем заняться: формировать этот, юбилейный для журнала, номер «Приокских зорь», а на рабочем столе лежат, требуют корректуры верстки сразу двух книг: из названной выше серии очередной том под названием «Феноменология ноосферы: Глобализация как высшая и завершающая стадия империализма» (почти по Владимиру Ильичу) и роман-новеллино «Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем», главы из которого публиковались в «Приокских зорях» в 2014 — 2015-х годах.

Не обессудьте, если что не так сказано. Мир вам!

